

Социология образования

© 1997 г.

А.Г. ЭФЕНДИЕВ, О.М. ДУДИНА

МОСКОВСКОЕ СТУДЕНЧЕСТВО В ПЕРИОД РЕФОРМИРОВАНИЯ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

ЭФЕНДИЕВ Азер Гамидович - доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой социологии и психологии Московского авиационного института (технического университета), ДУДИНА Ольга Мухаметиевна - кандидат философских наук, старший научный сотрудник того же института.

Радикальные социально-экономические преобразования в нашем обществе оказали неоднозначное воздействие на высшую школу. С одной стороны, она получила мощный импульс к модернизации и развитию. Постепенно преодолеваются противоречия между новыми запросами общества и высшим образованием, его содержательной, технологической и организационной структурами. И это имеет, безусловно, глубокий позитивный смысл. В вузах запрещена идеологическая деятельность, расширилась их академическая свобода, самостоятельность, модернизируются (хотя и медленно) специальности, их номенклатура. Увеличивается выпуск специалистов по остродефицитным профессиям: экономистов, юристов, социологов и т.д. Появились платные формы высшего образования (что в целом поощряет здоровую конкуренцию между вузами).

Порой эти процессы протекают небезболезненно, поскольку это вызывает реструктурирование внутри высшего образования: у одних вузов, специальностей престиж резко повышается, у других - падает, усиливается социальное расслоение как внутри студенчества в целом, так и между студентами (что особенно важно) различных типов вузов, факультетов и специальностей. И это неизбежные последствия, сопровождающие модернизацию высшей школы.

С другой стороны, отсутствие четкой государственной политики в области образования, необходимых инвестиций в него, неоправдавшиеся надежды на коммерциализацию вузов приводят к разрушительным дисфункциональным последствиям для высшего образования. Можно сказать, происходит его "обескровливание". Это и резкое сокращение численности преподавателей [1], научных сотрудников вузов [2], вызванное катастрофически низкой зарплатой, падением жизненного уровня, утратой некогда высокого социального престижа, старение кадров; постепенное разрушение их трудовой мотивации, размывание социально-статусных и профессиональных стандартов поведения [3]. В неудовлетворительном состоянии материальные компоненты учебного процесса: учебные корпуса, оборудование, библиотечные фонды [4].

Таким образом противоречивое взаимодействие позитивных и деструктивных процессов создают сложную, и даже драматическую ситуацию в российском высшем образовании.

Раскрывая социальный облик студенчества, следует учитывать и глубокие изменения, произошедшие в самом обществе: трансформацию его основных институтов, стратификационных характеристик, основных смыслообразующих ценностей. Все эти процессы (и в обществе в целом, и в высшей школе) по-своему преломляются в жизнедеятельности студенчества. Новые черты зримо проявляются в образе жизни студентов, системе ценностей, социальном происхождении студенчества. Меняются взаимоотношения студентов с государством (невостребованность многих специальностей, отсутствие обязательного распределения и "отработок" после окончания вуза и т.д.), с преподавателями, с родителями. Это приводит к тому, что современное студенчество становится все более разнородным.

Прилежные студенты ("ботаники") мирно уживаются с теми, кто об учебе вспоминает лишь перед экзаменами; "предприимчивые", чьи подработки дают возможность жить безбедно уже в студенческие годы - с "романтиками", для которых важна творческая самореализация; почти исчез тип студента-общественника.

Поэтому и перед исследователями, и перед руководителями высшей школы, и студенческими профсоюзами возникают вопросы: как осуществляется воспроизводство студенческой молодежи, из каких слоев; какие материальные возможности студенты имеют для того, чтобы учиться? Какие изменения произошли в учебной деятельности студентов, в их мотивации?

Объектом нашего исследования стало московское студенчество, особенно интересное тем, что процессы, происходящие в нем, как правило опережают среднероссийские. Исследование "Студент Москвы: проблемы и настроения" было проведено в 1995 году по заказу Департамента семьи и молодежи Правительства Москвы коллективом преподавателей кафедры социологии и психологии МАИ¹.

Чтобы рельефнее показать глубину изменений внутри московского студенчества, мы воспользуемся результатами и других исследований, проведенных силами кафедры.

¹ N = 1286 студентов 2 и 4 курсов различных вузов Москвы. Выборка двухступенчатая, квотная. На первом этапе были отобраны 12 наиболее типичных московских вузов: университеты классические (МГУ); технические вузы (МГТУ, МАИ, Московский строительный университет, Московская Академия пищевой промышленности, Московский институт коммунальных хозяйств); медицинские вузы (Московский стоматологический институт), экономические институты (Московский Коммерческий институт), юридические вузы (Московская государственная юридическая академия), педагогические вузы (Московский педагогический государственный университет), институты культуры (Московский художественно-промышленный институт), сельскохозяйственные вузы (Сельскохозяйственная академия им. Тимирязева). Затем в каждом вузе опрашивалось такое число студентов, чтобы их доля в выборке соответствовала доле в генеральной совокупности.

Воспроизводство студенческой молодежи: новые тенденции

Проблема воспроизводства студенческой молодежи может рассматриваться в различных аспектах. Поскольку студенчество формируется из молодых представителей различных слоев, то в периоды трансформации социальной структуры общества оно может служить индикатором этих процессов.

Само оно также является их активным участником: ведь высшее образование выполняет функцию индивидуальной и/или групповой социальной мобильности и воспроизводства слоев, занимающихся высококвалифицированным и сложным трудом.

Анализ социальной структуры студенчества важен и в аспекте социальной справедливости, т.к. показывает доступность высшего образования для различных слоев, т.е. с точки зрения "выравнивания шансов для всех".

Но есть еще и социокультурный аспект этой проблемы: в какой социальной среде имеются оптимальные материальные и культурные условия для формирования комплекса личностных качеств, требуемых для получения высшего образования? Ведь для успешного прохождения конкурса, формирования академической дисциплины студентов, стремления хорошо усваивать изучаемый предмет, развивать кругозор и т.д. необходимы достаточно высокий уровень притязаний личности, престижность интеллектуального труда, ценности профессионализма, мотивации на достижение успеха в учебе и т.д. Поэтому представители одних социальных слоев оказываются более конкурентоспособными для системы высшего образования (легче поступают в престижный вуз, на престижный факультет), другие - менее конкурентоспособными.

Таким образом, система высшего образования выступает в качестве одного из основных звеньев в социальном механизме воспроизводства, в первую очередь "среднего" и "высшего" классов.

Теория воспроизводственной функции образования была предложена в 60-е годы французскими социологами П. Бурдьё и Дж. Пассероном, а затем развивалась в лоне антропомической школы (Д. Берто и др.). Тогда П. Бурдьё пришел к выводу о том, что во Франции "сын высшего чиновника имеет в 24 раза больше шансов поступить в университет, чем сын сельскохозяйственного рабочего, в 40 раз больше, чем сын промышленного рабочего, и его шансы также вдвое выше, чем у сына среднего чиновника" [5]. Правда, в последующие три десятилетия высшее образование в странах Запада стало массовым и доступным, но тем не менее социальные структуры в них изменились мало, оказались инертными. Об этом свидетельствуют результаты эмпирических исследований Л. Дубермана (США), Дж. Голдторпа и Ф. Бивина (Великобритания), Ж. Марсо (Франция).

Конечно, образование является одним из средств для восходящей социальной мобильности, своего рода "социальным лифтом" (П. Сорокин), но гораздо реже и в меньшей мере, чем это принято считать.

"Малоподвижность" социальных структур объясняется тем, что элита использует более гибкую стратегию самовоспроизводства, чем раньше. Решающая роль в ней принадлежит символическому капиталу личности, а не только

экономическому, то есть образовательному и культурному капиталу, включающему, по Бурдье языковую и культурную компетенцию [6]. Обучая своих детей в привилегированных образовательных учреждениях, представители элиты безболезненно осуществляют там социальный отбор и приводят к ключевым позициям контроля в экономике и политике прежде всего "своих". "Наделение" элитой своих детей символическим капиталом, образованием, а не просто передача прав владения экономическим капиталом обусловлено рядом причин. Это и профессионализация управления, отделение собственности от управления, сложность последнего; это и рост демократических настроений в обществе, требование равенства образовательных возможностей.

Для "средних классов" и, особенно, для "новых средних классов", включающих в себя представителей среднего и малого бизнеса, работников умственного труда, высшее образование также оказывается средством удержать и передать детям свой статус. Именно поэтому социальная структура студенчества в неполной степени является "слепок" с социальной структуры общества, последняя асимметрично представлена в студенчестве. В его структуре присутствуют "флюсы" в сторону выходцев из высших и средних слоев. В отличие от среднего образования, являющегося в основном агентом общегражданской социализации, высшее образование выполняет функции профессиональной социализации личности. Поэтому вузы глубже, чем средняя школа, ощущают на себе влияние преобразований в системе институтов рыночного хозяйства, когда, к примеру, возникают потребности в новых специалистах. Стремление высших слоев обеспечить своим детям возможности для получения первоклассного образования понятно. Ведь оно является основным условием для того, чтобы они унаследовали лидирующие позиции в обществе.

В 60-е годы советские социологи также начали заниматься проблемами социальной структуры общества, роли высшего образования в социальных перемещениях [7], изучением жизненных планов молодежи, и их реализации [8]. В работах М.Н. Руткевича, Ф.Р. Филиппова, Н.А. Аитова, О.И. Шкаратана, на материале эмпирических исследований была показана относительно высокая социальная мобильность, обусловленная доступностью высшего образования для широких слоев населения. Сейчас исследования по этой проблематике получают более глубокое теоретическое осмысление сквозь призму особенностей советской стратификационной системы и ее трансформации [9].

Какие же изменения происходят в социальной структуре студенчества в настоящее время? Каковы основные социальные источники пополнения? Остается ли оно достаточно эгалитарным или имеет тенденцию к элитаризации? Рассмотрим эти вопросы на примере московского студенчества. В чем выражаются наиболее существенные особенности его социальной культуры, как осуществляется его воспроизводство?

Во-первых, среди родителей студентов сравнительно немного незанятых (безработных, неработающих пенсионеров, инвалидов и т.д.). К данной категории только 4,6% от опрошенных студентов отнесли своих отцов, а 14,4% - матерей, т.е. социальная структура студенчества, по сравнению с социальной структурой общества выглядит как более благополучная, является структурой

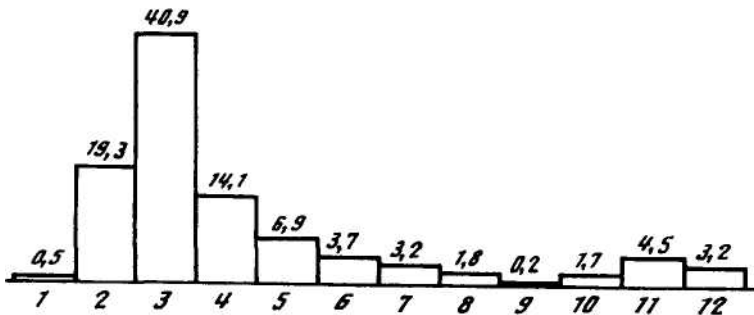

Диаграмма социального состава опрошенных студентов (в процентах от ответивших; принадлежность к страте определялась по роду занятий отца). *Выделенные страты:*

1) рядовые работники сферы услуг; 2) рабочие, вспомогательно-технический персонал государственного и частного сектора; 3) инженерно-технические работники, экономисты, служащие производственных предприятий промышленности и сельского хозяйства; 4) специалисты государственных и негосударственных научных, образовательных, медицинских, культурных и других учреждений; 5) военнослужащие, работники правоохранительных органов, органов юстиции и т.д.; 6) специалисты: работники органов административного управления (центрального и местного; министерства, госкомитеты, префектуры и т.д.); 7) руководители высшего звена управления промышленных, аграрных предприятий, хозяйств, учреждений науки, культуры, образования, здравоохранения; 8) руководители государственного административного управления федерального, областного, городского, муниципального уровня (министерств, комитетов, префектур и т.п.); 9) фермеры; 10) лица, занимающиеся индивидуальной предпринимательской деятельностью (торговцы, ремесленники, "индивидуалы" ("челночники") и т.д.); 11) владельцы, совладельцы, управляющие частных производственных финансовых, торговых, образовательных, медицинских и иных частных центров и фирм; 12) другие

"улучшенного" типа. **Во-вторых**, (см. диаграмму), социальный состав студенчества достаточно пестрый: в нем широко представлены и традиционные, и новые страты, появившиеся в ходе реформ (владельцы собственного дела, предприниматели). **В-третьих**, доминирующей группой являются студенты - выходцы из семей специалистов с высшим образованием (их свыше 60%). И это закономерно. Опыт бывших социалистических стран показывает, что когда снимали ограничения на прием в вузы "лиц непролетарского происхождения", доля этих слоев в составе студенчества резко возрастала. **В-четвертых**, среди московских студентов значительно уменьшилась доля детей рабочих и вспомогательного персонала: она составляет 19,3%. Это, конечно, намного меньше, чем в "доперестроечную" эпоху, когда государство поддерживало определенный баланс слоев в социальной структуре студенчества. Для сравнения: к 80-м годам дети из семей рабочих и вспомогательного персонала составляли примерно 35-45% от общей численности студентов (данные по СССР)². **В-пятых**, студенчество Москвы быстро пополняется представителями нового для нас слоя - молодыми людьми из семей, где один из родителей, а то и оба родителя - владельцы частных фирм в различных областях бизнеса. Доля студентов, чьи отцы имеют "собственное дело", составляет 4,5% (а с учетом "матерей-владелиц" она возрастает до 6-7%). Думается, что эта социальная группа "представлена" в студенческой среде, по меньшей мере, пропорционально своей численности. Численность предпринимателей - владельцев в

² Рассчитано по таблице 2, приведенной в [11, с. 200].

составе активного населения равнялась к 1995 г. 3,2%, но ряд исследователей полагает, что в действительности их доля значительно выше [9, 10].

Важной особенностью социального состава московского студенчества является высокая занятость родителей в государственном или негосударственном секторе экономики. Поясним, что, говоря о негосударственном секторе, мы имеем в виду лиц, занятых индивидуальной предпринимательской деятельностью; более крупных собственников, (со)владельцев "собственного дела", а также наемных работников частных предприятий. Родителей студентов, занятых на предприятиях, являвшихся совсем недавно государственными и только превращающихся в акционерные товарищества мы в этот сектор не отнесли, поскольку эти предприятия, предстающие как негосударственные с юридической точки зрения, по всем социальным признакам остаются организованными как государственные. По нашим данным в негосударственном секторе заняты 29,4% отцов опрошенных (66% - в государственном), и 19,2% - матерей (66,4% - в государственном). В целом доля студентов, у которых хотя бы один родитель занят в негосударственном секторе составляет 37-38%. Это уже немалая величина. Почему мы считаем этот критерий дифференцирующим студенчество признаком? Дело в том, что у людей, связанных с частным сектором, жизненные перспективы, ожидания и установки, уровень жизни кардинально иные чем у слоев, "завязанных" на госсектор. Еще одна линия расслоения студенчества "пролегла" между вузами: оказалось, что разные вузы "аккумулируют" студентов из разных страт далеко не одинаково. Конечно, и раньше были вузы, отличавшиеся как престижностью (привлекательностью), так и "элитарностью" (т.е. высокой долей студентов выходцев из рядов советской элиты). Однако сейчас список "элитарных" вузов пополнился.

Среди обследованных вузов наряду с МГУ и Юридической Академией, в него вошли новые "фавориты": Медицинский стоматологический институт и Коммерческий институт. Эти вузы стали привлекательнее для молодых людей - выходцев из "восходящих" слоев (т.е. повышающих свой социальный и материальный статус), тогда как в других вузах учиться значительно больше молодых людей из социальных групп еще не в полной мере адаптировавшихся к рыночной экономике.

Для понимания этих процессов, как показало изучение корреляционных связей, существенное значение имеет соотношение доли студентов, чьи отцы - рабочие и вспомогательный персонал и доли студентов, чьи отцы - владельцы частных фирм. Именно этот показатель в наибольшей степени дифференцирует материальное положение и настроения студентов разных вузов (см. табл. 1).

В исследовании были выявлены и другие особенности социальной стратификации студенчества Москвы. Подтвердился факт "наследственной приверженности" профессиям родителей у заметной части студентов. Так, в технических вузах выше доля студентов из семей инженерно-технических работников; в Государственной юридической Академии - из семей военнослужащих и работников правоохранительных органов; и т.д. и т.п. Этот результат наглядно демонстрирует роль высшего образования в механизме воспроизводства

Распределение доли студентов, чьи отцы - рабочие (в государственном и негосударственном секторах) и, соответственно - владельцы, директора, предприниматели (в % к ответившим)

	МГУ (ест.)	МГУ (гум.)	МАИ	МГТУ	Строит, ун-т	Акад. пищ. пр.	Ин-т комм, хоз.
1. Отцы — рабочие	20,0	12,0	22,3	15,9	34,3	20,0	27,0
2. Отцы - владельцы, директора, предприниматели	0	2,8	3,7	0,9	1,5	0	0

	Пед. ун-т	С/ч акад.	Худ- пром. ин-т	Мед. стом. ин-т	Гос. юр. акад.	Коммерче- ский ин-т	В целом по Москве
1. Отцы - рабочие	19,5	36,0	15,3	8,2	7,0	9,5	19,3
2. Отцы - владельцы, директора, предприниматели	1,0	2,5	4,9	7,0	12,1	20,0	4,5

социальных слоев (что, вообще говоря, является одним из условий самоорганизации и обеспечения стабильности общества).

Итак, какие выводы следуют из приведенных выше фактов и закономерностей, характеризующих социальную структуру студентов Москвы?

1. Отказ от специальной государственной регламентации структуры студенчества привел к тому, что она формируется под влиянием механизмов саморегуляции, интенсивно и расширенно пополняясь за счет выходцев из "средних" и "высших" (в наших условиях) слоев специалистов с высшим образованием, руководителей высокого уровня, владельцев предпринимателей.

2. Это приводит к их преобладанию над выходцами из слоев работников менее квалифицированного труда (рабочих, вспомогательного персонала). Так что в некоторых отношениях структура московского студенчества приближается к "западному" типу, т.е. характерного для индустриально развитых стран.

3. Какой вид примет система высшего образования в России в XXI веке, сказать пока трудно: станет элитарной или сохранит свою доступность как сейчас. Ясно одно, что нельзя отказываться даже в наших условиях от различных форм поиска, отбора и поддержки талантливых молодых людей из любых слоев населения.

4. Критерии социальной дифференциации, которые мы выбрали, оказались тесно связанными с уровнем материального положения студенчества. Поэтому мы перейдем к более подробной характеристике уровня жизни студенчества.

Если анализ социальной структуры студенчества - первый аспект проблем воспроизводства этой социальной группы, то второй аспект - это ее уровень жизни, вокруг которого сложилось столько мифов. Яркое представление об уровне жизни студенчества дает таблица 2.

Как видно из результатов опроса, 52,3% московских студентов происходит из семей с удовлетворительным уровнем жизни, у остальных 16,5% родительские

Распределение ответов студентов и преподавателей московских вузов на вопрос об их уровне жизни (в % к ответившим)

Характеристики уровня жизни	Доля ответов среди	
	студентов	преподавателей вузов
Критически-низкий (Часто не хватает средств на самое необходимое, даже на нормальное питание)	7,6	22,1
Низкий (Удастся более или менее нормально питаться, приобретать самую необходимую одежду, но даже ремонт бытовой техники ставит нас в затруднительное положение)	23,7	49,7
Довлетворительный (Питаемся неплохо, покупаем кое-что из модной одежды, но приобретение новой мебели можем позволить себе только в случае крайней необходимости)	52,3	25,9
Средний (Живем обеспеченно, удастся не только хорошо питаться и модно одеваться, но и приобретать понравившуюся бытовую технику приличного качества, другие товары длительного пользования, делать денежные накопления на приобретение недвижимости и особо дорогих товаров вроде автомобиля)	15,2	2,2
Высокий (Ни в чем себе не отказываем, отпуск проводим, как правило, за границей, имеем значительные средства, вложенные в ценные бумаги, солидный счет в банке)	1,3	0,1

семьи обеспечены прекрасно. Следовательно, почти 70% московских студентов, по меркам переходного периода, обеспечены неплохо. Эти данные хорошо коррелируют и с показателями личного потребления студентов по одежде, питанию, развлечениям, летнему отдыху и т.д. И именно эта масса студентов во многом определяет общий облик и социальное самочувствие студентов. Но материальное положение 25-30% студентов (критически-низкий, плюс низкий уровень жизни) можно оценить как **неудовлетворительное**: оно внушает тревогу, а у почти 8% ситуация просто катастрофическая, они живут впроголодь, не говоря уже о других потребностях.

Попробуем сравнить материальное положение студенчества и других социальных групп, например, преподавателей московских вузов³. (См. табл. 2). Картина предстает весьма мрачная: 72% московских преподавателей поистине "влачат жалкое существование" они отметили критически-низкий и низкий уровни жизни, а среди студентов доля таких ответов только 32%, т.е. в 2 раза меньше.

Среди преподавателей слой тех, кто считает собственный уровень жизни удовлетворительным, в два раза "тоньше", чем среди студентов (25,9% по сравнению с 52,3%)! Но и такой уровень жизни достигается с трудом, так как большинство опрошенных преподавателей - 61%(!) имеют дополнительную работу.

³ Исследование "Преподаватели московского вуза: социально-экономическое положение, проблемы и ожидания" проведено коллективом нашей кафедры в 1996 г. Использовалась методика, близкая к той, по которой осуществлено исследование "Студент Москвы...". Опрос охватывает те же вузы: N = 877. Исследование описано в [12].

Как мы видим, сравнение явно не в пользу преподавателей. Студенты далеко опережают своих старших коллег: они, можно сказать, концентрируются в зоне удовлетворительного, а преподаватели - в зоне неудовлетворительного уровня жизни (и это шокирует). Это первый вывод. И второй: материальное положение студенчества стабилизировалось по сравнению с началом 90-х годов, и стабилизировалось на относительно высоком уровне потребления.

Какие же социальные слои, рассмотренные нами выше обеспечивают более высокое материальное положение студенчества, способствуют стабилизации его материального положения? Во-первых, это те, кто занят в негосударственном секторе экономики. Уровень жизни среди родителей студентов, занятых в нем, в целом выше, по сравнению с теми, кто занят в госсекторе. (А их доля значительна - 37-38%.) Во-вторых, уровень жизни зависит и от положения слоя в том или ином секторе. В негосударственном секторе самый высокий уровень наблюдается у (со)владельцев "собственного дела", (хороший уровень жизни отметили 47% студентов, происходящих из этих семей, т.е. позиции 4,5 в табл. 2), отчасти у специалистов, работающих в производственных, финансовых, страховых и др. фирмах (хороший уровень жизни у 27% студентов из этих семей); у мелких предпринимателей (соответственно 26%). В госсекторе (а также среди всех слоев) самый высокий уровень жизни имеют студенты, выходцы из семей руководителей гос.-административного управления (различного ранга). 63% (!) из них отметили хороший уровень жизни своих семей.

Достаточно неплохим уровнем жизни отличаются и руководители высшего звена государственных предприятий и организаций (соответственно 29%); более низкий - у военнослужащих и т.д.; у специалистов государственно-административного управления.

Итак, именно эти слои обеспечивают приемлемый или очень высокий уровень жизни своим детям - студентам (именно их можно отнести к "восходящим слоям" в точном смысле этого слова).

Обращает на себя внимание и еще одно важное обстоятельство: среди большинства выделенных слоев доля студентов с неудовлетворительным уровнем жизни сравнительно невысока (примерно 21-24%). Исключение составляют лишь рабочие обоих секторов и специалисты госсектора, занятые в производственной сфере. Среди студентов из этих слоев неудовлетворительный уровень жизни отметили от 34 до 42%. Но у преподавателей, для сравнения, эта доля значительно выше - до 70%. Что из этого следует? Эти факты (относительная "узость" зоны неудовлетворительного уровня жизни) можно интерпретировать следующим образом: **среди родителей студентов широко представлены наиболее благополучные, активные, хорошо зарабатывающие подгруппы из всех соответствующих слоев, т.е. наиболее адаптировавшиеся к рыночным отношениям (хотя статус у них остался прежним).**

Но материальное **расслоение студенчества происходит** не только по социально-стратификационным показателям, но **и между вузами**. Это становится понятным, если учесть неравномерную концентрацию представителей "благополучных" или "неблагополучных" страт в их студенческом составе. Так, на неудовлетворительном уровне жизни находятся: (1 + 2-я позиции в табл. 2) среди опрошенных студентов МГУ (гуманитарных факультетов 24,6%; Юриди-

ческой академии - 12,3%, Коммерческого института - 13% (т.е. там, где больше всего детей из "восходящих слоев"), в то время как в МГУ на естественных факультетах - 46,4%, в МГТУ - 43,1%, в Художественно-промышленном институте 51% (т.е. в 2-4 раза больше)!

Наряду с экономическим положением родительских семей, с начала 90-х годов начал "работать" еще один фактор стабилизации уровня жизни студентов: **дополнительные заработки**. Они приобрели настолько массовый характер, что, по сути, можно говорить об изменении образа жизни студенчества, так как наряду с учебной они становятся второй основной деятельностью студенчества. Уже в 1992 г. наше исследование "Социально-экономические основы жизнедеятельности студенчества", проведенное среди студентов стран СНГ, показало, что дополнительно подрабатывали 42% опрошенных ($N = 1877$ человек). Сейчас подрабатывают 59% московских студентов, при этом регулярно подрабатывают в течение учебного года и в каникулы 22% от опрошенных. По величине заработка скромные. Так, 50% подрабатывающих имели примерно 140 тыс. рублей в месяц (1/2 от физического прожиточного минимума). Очень высокие заработки (от 800 тыс. руб. и выше в месяц) имели лишь 11% подрабатывающих.

Несколько неожиданным оказался следующий факт: прямой связи с уровнем жизни семьи студента не наблюдается, т.е. подрабатывают как остронуждающиеся, так и те, кто отметил высокий уровень жизни.

Вероятно, дополнительные заработки становятся новым стандартом поведения, символизируя деловитость, предприимчивость студентов (т.е. выполняют не только свою прямую функцию).

Какова же их социальная эффективность? Для 14% опрошенных они очень важны, т.к. позволяют достичь хотя бы элементарного уровня жизни, для 40% - позволяют иметь "карманные" деньги. Итак, для 54% московских студентов подработки стабилизируют их материальное положение. И лишь для 5% они обеспечивают высокий уровень благосостояния (гораздо выше "необходимого"). Эти студенты фактически превращаются в "заочников", поскольку работа у них превалирует над учебной.

Итак, сегодня мы наблюдаем процессы перехода от советской социальной структуры к структуре, соответствующей рыночным экономическим отношениям, поэтому в студенчестве ощутимо представлены как "восходящие слои", так и те, которые не приспособились еще к новым социальным условиям. Но в результате действия механизмов саморегуляции социальная структура московского студенчества все более становится структурой "улучшенного типа". В ней уверенно представлены: негосударственный сектор, владельцы фирм, руководители министерств, нет неработающих пенсионеров.

В результате его материальное положение выглядит более оптимальным, чем структура потребления многих других слоев, за исключением наиболее зажиточных. Пополняясь во все большей степени из "восходящих слоев", из слоев сумевших эффективно адаптироваться к новым экономическим отношениям, они определяют общий облик и социальное самочувствие студенчества Москвы (оптимизм, уверенность в завтрашнем дне, надежды на личную адаптацию).

В то же время студенчество представляет, собой глубоко дифференцированную массу (по социальному происхождению, материальному положению, по типам вузов и т.д.). Оно как бы "расколото" на отдельные группы, между которыми зачастую нет взаимопонимания. То, что заботит одних, оказывается безразличным для других. Это серьезно подрывает условия для формирования общегрупповых установок, замедляет формирование чувства "Мы". Не случайно у большинства студентов нет стремления к коллективным действиям. Только 15,4% от опрошенных согласились с утверждением: "будет ли общество заботиться о создании приемлемых условий для учебы - это во многом зависит от того, будут ли студенты сами активно и сплоченно отстаивать собственные интересы".

Таковы, с нашей точки зрения, основные характеристики воспроизводственных процессов, характеризующих московское студенчество.

Учебная деятельность студентов

"Социальный портрет" московского студенчества был бы не полон, если бы мы упустили из виду проблемы учебной деятельности. Они в последнее время получили новый ракурс. Если в 80-е годы интересы российских социологов в этой области сосредотачивались преимущественно на изучении профессиональной социализации студентов (выяснялись доминирующие мотивации учебной деятельности, зависимость от них успеваемости и т.д.), то теперь акценты расставляются иначе, что обусловлено иным социальным контекстом. Это и утверждение в общественном сознании системы либеральных ценностей, психологии "self made", и проблема неперспективности многих специальностей, и тяжелое состояние предприятий госсектора и многое другое.

Появление организаций частного сектора расширило для выпускников возможности типов карьер, и не только в качестве наемных работников, но и, для наиболее честолюбивых и предприимчивых в качестве - организаторов собственного дела. Но зачастую это предполагает отказ от специальности и профессии, полученной в вузе. Так например, из опрошенных нами выпускников МАИ 1993 г. спустя 6-8 месяцев после получения дипломов из 89% занятых, больше половины (56%) были заняты в частном секторе и успешно продвигались там, 9% стали предпринимателями; 43% оставили профессию инженера [13]. Поэтому проблема учебной деятельности приобретает сейчас особый интерес: какое влияние на нее оказывает новая социальная ситуация?

Но здесь мы рассмотрим более подробно воздействие лишь некоторых факторов: а) ценностных ориентаций студентов; б) качества образовательных услуг вуза.

Одним из важнейших регуляторов учебной деятельности является **ценность высшего образования, ее положение в системе ценностных ориентаций личности**, а также ее "сопряженность" с профессионально значимыми или интеллектуально-познавательными мотивами.

В своих исследованиях, изучая ценностные ориентации студентов, мы задавали им вопрос о факторах жизненного успеха. Коррелируя его с ответами об

Распределение ответов студентов на вопрос о наиболее важных для них факторах жизненного успеха*

Факторы	Доля ответивших в %	Ранг
1. Связи, поддержка влиятельных лиц	57,9	(1)
2. Качественное образование	43,4	(2)
3. Предпримчивость, находчивость	43,1	(3)
4. Природная одаренность, способности	37,5	(4)
5. Трудолюбие, добросовестность	31,5	(5)
6. Перспективная специальность	24,7	(6)
7. Везение, удачное стечение обстоятельств	23,7	(7)
8. Умение устраивать свои дела любым способом	15,6	(8)
9. Материальная поддержка родителей	10,0	(9)

* Сумма ответов превышает 100%, так как при ответе допускался выбор от одного до трех его вариантов.

успеваемости, о подготовке к занятиям, мы неоднократно убеждались в том, что чем более высокие места в системе ценностных ориентаций занимает ценность качественного образования, чем оно важнее как залог жизненного успеха, тем эффективнее учебная деятельность. Однако когда мы задавали вопрос о факторах жизненного успеха в ходе предыдущих исследований студентам из стран СНГ (1992 г. $N = 1877$ чел.); студентам МГУ (1992 г. $N = 1075$); студентам МАИ (1994 г. $N = 1036$); то на 1-е и 2-е места в иерархии ценностей выходили "связи, поддержка влиятельных лиц" и "предпримчивость", а "качественное образование" и "перспективность специальности" "опускались" на 5-е - 6-е места. Высокий рейтинг получал такой фактор, как "везение, удачное стечение обстоятельств". Это вызывало у нас чувство пессимизма. Но можно ли винить в этом студентов? В то время "авантюристический" синдром с характерными для него предвкушениями дивидендов от акций, обогащения... охватывал широкие слои общества. Но теперь, наконец, в исследовании московского студенчества зафиксировано изменение в приоритетах (см. табл. 3). После долгих лет "забвения" студенты Москвы выдвинули на 2-е место "качественное образование", хотя лидером и остается "поддержка влиятельных лиц".

Есть и другие благоприятные изменения: на 5-6 места поднялись факторы "трудолюбие, добросовестность" и "перспективная специальность". В целом это говорит в пользу того, что у студенчества по-видимому, начинает постепенно складываться убеждение в необходимости профессионализма, компетентности для достижения успеха. В особенности это присуще студентам, выходцам из семей руководителей высшего уровня, военнослужащих, специалистов образования, науки, культуры, а также детям предпринимателей.

Какое значение имеет изменение приоритетов с точки зрения учебы? Оно непосредственно сказывается на исполнении студентом своей социальной роли. Так, среди тех, для кого "качественное образование" является приоритетным в жизни, 46% привлекают дополнительную литературу при подготовке к занятиям (в целом по выборке 32%; рост в 1,8 раза), среди них лишь 8,2% таких сту-

дентов, кто вообще не занимается в семестре (по выборке этот показатель намного выше - 17%). Студенты же с "авантюрной" жилкой, для кого самое главное в жизни вовремя проявить "предприимчивость и находчивость", кто полагается на "везение", готовятся к занятиям значительно хуже, занимаются с полной выкладкой лишь 24-25%, значительно больше среди них и тех, кто "отбывает номер", занимаясь только в сессию. Но несмотря на повышение престижности высшего образования среди студентов широко распространено "прагматичное" отношение к учебной деятельности, т.е. выполнение своих учебных обязанностей, не выходя за рамки требуемого преподавателем и вузом.

Сегодня по Москве лишь каждый третий (33,2%) студент занимается в семестре с полной отдачей, привлекая как обязательную так и дополнительную литературу. Еще 29,3% готовятся в пределах обязательной литературы, конспектов, не прибегая к изучению дополнительной литературы. Таким образом 61,5% опрошенных отличаются полноценными формами самостоятельной подготовки. Остальные, и это заметная доля студентов, занимаются отнюдь не лучшим образом (20,1% просматривают конспекты лекций по специальным предметам, а не по специальным предметам в семестре не готовятся; 17,4% начинают учиться лишь в сессию). По вузам картина в целом разнообразна, но не блестяща, особенно в технических вузах, где основная масса готовится по методичкам.

На характер самостоятельной подготовки негативно влияют и регулярные дополнительные заработки студентов. Напомним: регулярными подработками занято 22% от всех опрошенных. Среди этих студентов доля фактически не занимающихся в семестре достигает 23-24%, а среди тех, кто занимается подработками от случая к случаю - от 12 до 14%, т.е. именно регулярные формы подработок наносят ощутимый вред учебе.

Распространенность неполноценных форм самостоятельной подготовки студентов приводит их к соответствующим результатам по успеваемости: в основном превалирует успеваемость с оценками "хорошо" и "удовлетворительно", только "удовлетворительно" (47%) и с оценками "удовлетворительно (но нередко и пересдачи)" 4-5%, что составляет в сумме больше половины (52%). На "отлично" учится 12%; 35,6% - на "хорошо" и "отлично" (в сумме 48%). Как оценить эти результаты? Думается, что они в общем-то средние. Так, в ряде вузов - МГУ, МГТУ, Коммерческом институте доля студентов с отличной и хорошей успеваемостью заметно выше (56-72%). В то же время в технических вузах без троек учится от 22 до 42% студентов, сравнение, как говорится, не в их пользу.

В определенной степени студентов можно понять: прагматичное отношение к учебе является своего рода компромиссом между ценностью высшего образования, с одной стороны, и тем обстоятельством, что многие выпускники не смогут воспользоваться в полной мере образовательным потенциалом, который они получили.

И надо сказать, что студенты достаточно остро реагируют на предлагаемое вузами качество образовательных услуг. Так, московское студенчество дает достаточно критичную оценку качеству подготовки и перспективности специальности в нынешних условиях (см. табл. 4). Лишь 1/3 опрошенных выразила

Оценка московскими студентами уровня образовательной подготовки и перспективности получаемой специальности

Оценки	Доля ответивших в %
1. Получаемая специальность (или специальности, близкие к ней) сегодня перспективна и уровень подготовки по ней в целом солидный, приличный	31,1
2. Специальность... перспективна, но уровень подготовки вызывает серьезную озабоченность	31,2
3. Хотя специальность и не сулит ни хорошего трудоустройства, ни приличных зарплат, уровень получаемой подготовки солидный	29,5
4. И специальность не сулит ничего хорошего, и уровень подготовки не больно хороший	8,2

удовлетворенность по этим параметрам образования. Самые высокие оценки уровня подготовки в своем вузе дали студенты сельскохозяйственной академии (81,7%); МГУ (71%); МАИ (65,4%); МГТУ (64,1%); самые низкие - Коммерческого института (29,9%); Института коммунального хозяйства (15,4%). По перспективности специальности лидируют, как и следовало ожидать, Юридическая академия (96,8%); Коммерческий институт (95,3%); Медицинский стоматологический институт (85%); Институт коммунального хозяйства (75,4%); гуманитарные факультеты МГУ (73,6%).

Скажем несколько слов и о том, какие серьезные деформации начинает претерпевать организация учебного процесса в вузах, сама "технология" образования. Это ведь тоже один из аспектов качества образовательных услуг вузов. Более 2/3 опрошенных (71%) выразили мнение о том, что учебный процесс не обеспечен необходимым оборудованием и вычислительной техникой, нужной литературой в библиотеках. 72% отметили, что в аудиториях грязь и беспорядок (!).

Крайне не удовлетворены тем, что учебный процесс не обеспечен материально-технически, студенты Медицинского стоматологического института, Юридической академии, Академии пищевой промышленности; более благополучны в этом плане МГК, МГТУ, МАИ, Педагогический институт, Коммерческий институт. Относительно благоприятная ситуация выявлена по таким показателям как: 1) ритмичность учебного процесса, отсутствие срывов и переносов занятий; 2) уровень профессионализма преподавателей - насколько они вызывают уважение у студентов своими знаниями и умением доступно излагать свои мысли. Негативные оценки присутствуют, но в целом по Москве они не превышают уровень 26%.

Настораживающе выглядят ответы студентов о том, насколько заинтересованно и с отдачей сил работают преподаватели. Свою неудовлетворенность этим фактором выразили 33% опрошенных, и хотя ситуация по вузам различная, в целом можно сказать, что по этому показателю отмечены 1-2 лидера и большая группа "средняков". Самыми неперспективными считают свои специальности студенты "Тимирязевки" (только 27,1% от опрошенных в ней студентов считают свою специальность перспективной), затем с несколько лучшими оценками следуют МАИ (45,6%) и Педагогический университет (47,9%).

В этой неудовлетворенности студентов с особой наглядностью проявляется противоречие между потребностями складывающегося рынка труда и несоответствием структуры вузов по профилю, и оно отнюдь небезобидно. Отражаясь в системе ценностных ориентаций студентов, на их профессиональных планах, оно исподволь "разъедает", разрушает учебную деятельность, снижает результаты образовательного процесса.

Мы установили, что и **характер самостоятельной подготовки студентов, и их успеваемость сильно зависят от оценок перспективности специальности.** Так, у тех, кто признал ее перспективной, доля студентов, имеющих отличную и хорошую успеваемость (сдает экзамены без троек) составляет 54%. Среди тех, кого разочаровали и качество обучения и специальность, доля таких студентов составляет 32,6%. Число студентов, кто вообще "учится только в сессию" возрастает с 13 до 42%. Вполне естественно, что связывая свою дальнейшую жизнь, свои надежды на успех с деятельностью по специальности студенты учатся гораздо серьезнее, ответственнее, целеустремленнее.

Эти и другие данные убедительно показывают как внешнее противоречие высшего образования его "нестыковку" с потребностями общества.

Заключение

Подводя итоги, можно сказать следующее: Во-первых, изменения в составе студенчества по социальному происхождению и по уровню жизни (а они довольно тесно связаны) указывают на нарастание дифференциации, неоднородности, различий в студенческой массе по вузам, факультетам, профессиональным отрядам. Постепенно приоритет в формировании студенчества переходит к слоям, более адаптированным к экономическим реалиям нашего общества. Если этот процесс будет развиваться и дальше, то доступ беднейших слоев к высшему образованию окажется сильно затруднен. Во-вторых, стабилизация воспроизводства студенческой молодежи Москвы показывает, что интерес к высшему образованию сохранился, что также нашло отражение в "подъеме" его ценности в иерархии инструментальных ценностей студентов. Однако противоречия, возникающие между институтом высшего образования и различными другими сегментами общества приводят к нарастанию дисфункциональных последствий. Они многообразны по своим проявлениям и просматриваются, в частности, в неудовлетворенности студентов качеством получаемой подготовки, деформации отдельных сторон образовательного процесса. Но самое главное - происходит неуклонное снижение основного результата функционирования высшей школы - образованности студентов, уровня их профессиональной компетентности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Альма-Матер, 1993, № 3, с. 20.
2. Научный потенциал высшей школы России: проблемы сохранения и развития. М., 1994.
3. *Эфендиев А.Г.* Преподаватель московского вуза. М., 1996, с. 26-27.
4. *Ковалева Л.И.* Кризис системы образования. Социол. исслед. 1994, № 3, с. 29-35.
5. *Bourdieu P.* L'ecole conservatrice. // Rev. fr. de sociol. 1996.
6. *Бурдые П.* Социология политики. М. "Socio-Logos", 1993, с. 75.

7. Руткевич М.Н., Филиппов Ф.Р. Социологические перемещения. М., 1970.
8. Шубкин В.Н. Социологические опыты (Методологические вопросы социальных исследований). М., 1970.
9. Радаев В.В., Шкаратан О.И. Социальная стратификация. М., 1996.
10. Черныш М.Ф. Социальная мобильность в 1986-1993 гг. Социологический журнал, 1994, № 2, с. 131.
11. Советская интеллигенция и ее роль в строительстве коммунизма. М., 1983, с. 200.
12. Эфендиев А.Г. Московский студент: проблемы и настроения. М., 1996, с. 12.
13. Выпускник МАИ-93 в условиях перехода к рынку. Отчет об исследовании. Коллектив авторов. М., МАИ, 1993.
14. Гончарова Н.В. О рынке труда выпускников вузов. М., Социол. исслед. 1997, № 3, с. 105-112.